

natge

**ЕВГЕНИЙ
КАСЬЯНЕНКО**

ЧУЖОЙ В РАЮ

ЕВГЕНИЙ КАСЬЯНЕНКО

Чужой в раю

«1000 бестселлеров»

2014

Касьяненко Е.

Чужой в раю / Е. Касьяненко — «1000 бестселлеров», 2014

Каждый из нас, наверное, хотел бы после смерти попасть в рай – место, где ВСЁ осуществимо и ВСЁ доступно. Где жизнь вечна и безоблачна. И, наверное, когда-нибудь, через тысячелетия человек найдет способ осуществить эту идею – продлить свое существование, жизнь своего интеллекта в иной, хотя бы виртуальной форме. Но вот вопрос – насколько идея рая совместима с природой человека, не противоречит ли она нашей биологической сути? Автор убедительно просит читателей, сомневающихся в стойкости своих религиозных взглядов, НЕ читать эту повесть. Ему вовсе не хотелось бы вступать в дискуссии с ортодоксально верующими людьми. Книгу нужно воспринимать как художественное произведение, а не антирелигиозный памфлет. «Чужой в раю» – вторая книга ростовского автора Е. В. Касьяненко, опубликованная в Литресе. Первой была приключенческая повесть для юношества «Скелеты острова мух».

© Касьяненко Е., 2014

© 1000 бестселлеров, 2014

Содержание

Часть первая	5
Глава первая. Встреча	5
Глава вторая. Небеса	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Евгений Касьяненко

Чужой в раю

*Поверь – когда в нас подлых мыслей нет,
Нам ничего не следует бояться.
Зло ближнему – вот где источник бед,
Оно и сбросит в пропасть, может статься.*
Данте Алигьери. Божественная комедия

Часть первая

Глава первая. Встреча

В полупустом автобусе седой мужчина в старомодном пиджаке с тремя рядами воинских планок на груди играл на аккордеоне. Не пьяный – ну, разве что самую малость, и не попрошайка – от протягиваемых ему рублей безмолвно отказывался, покачивая головой. Не иначе, мужчина возвращался с какого-нибудь школьного мероприятия, где, как водится, ветеранам налили «фронтовые» сто грамм в столовой после их выступления на сцене. Играл он хорошо, не фальшивя – «Прощание славянки», «На сопках Маньчжурии», «День Победы». Ни с того, ни с сего, я почувствовал, что у меня затрясся подбородок и повлажнели глаза. Черт побери, с годами стал совсем уж сентиментальным.

- Воевал? – спросил аккордеонист, бросив на меня косой взгляд и не прекращая играть.
- Мимолетно.
- То есть как?
- Журналист. В прошлом.
- Ага, – неопределенно сказал мужчина. Он был моих лет, то есть тоже старый.

От спонтанных слез мне стало неловко. Я решил выйти из автобуса на три остановки раньше своей и пройти пешком. Весна, май, славный месяц для нас, русских. Но теперь мой нечаянный катарсис вывернулся наизнанку. Я шел по улице и улыбался, ловя на себе недоуменные взгляды встречных прохожих. Наверное, со стороны это выглядело глупо. В нашей стране не принято улыбаться без веских на то причин. И с чего это вдруг пожилой седой человек идет один по тротуару с улыбкой дебила на лице? Наследство, что ли, получил? Или пьяный?

От этих взглядов мне становилось еще веселее. Нет, граждане-товарищи, никакое наследство меня не ожидает, я не пьяный и даже не клинический идиот. Просто весна, сограждане, теплый ласковый май, и у меня отличное настроение. А разве это не повод улыбаться, когда тебе почтенных шестьдесят пять лет? Еще лет пять-семь я на белом свете поживу и это прекрасно, просто великолепно, если разобраться.

На долгую, немощную и нудную, хоть и сытую старость я не рассчитывал, да она и не к чему, если хорошо подумать. Свою задачу на Земле я более-менее выполнил, вырастил детей, написал книги, а что нужно еще? К счастью – именно к счастью – у меня плохая наследственность. Дед умер от инфаркта в пятьдесят девять лет, отец-фронтовик не дотянул до семидесяти. У меня тоже уже был инфаркт семь лет назад, – звоночек, как принято говорить, – но я выкарабкался, и прекрасно себя чувствую. Вот иду и скалюсь во весь рот от хорошего настроения, как полный кретин. Но стать выжившим из ума глубоким стариком, еле передвигающим ноги? Нет, уж извольте. Лучше уж так – брык! – и на тот свет от второго инфаркта.

Деревья уже зазеленели. Мир был прекрасен. И тут...

– Извините, не найдется ли сигареты?

Вздвигнув, я обернулся. Передо мной стоял человек с недельной щетиной на лице, одетый во что-то невообразимо ветхое, возможно, с чужого плеча. Боже мой, да ведь это Володя! Меня он, похоже, не узнал.

– Привет, Володя!

Прищурившись, он посмотрел на меня и медленно произнес, не выказав никаких эмоций:

– Привет.

Я судорожно полез в карман за пачкой сигарет. Он взял одну и флегматично поблагодарил. Растерявшись от неожиданной встречи, я почувствовал: мне нужно немедленно что-то предпринять. Дать ему денег? Но ведь наверняка он их не возьмет: всегда был гордый, хотя теперь заурядный бомж. Я огляделся по сторонам. На углу была пивнушка, пользующаяся дурной репутацией. Обычная забегаловка-гадюшник.

– Может быть, накатим по стаканчику? – спросил я Володю. И быстро добавил: – Я при деньгах.

Его взгляд по-прежнему ничего не выражал. Он сумрачно сказал:

– Ну, пошли...

...Больше сорока лет назад мы с ним проучились вместе один год на первом курсе университета. А потом случилось нелепое происшествие, которое для меня закончилось лишь испугом, а для него – исключением из вуза и крушением всей жизни. Мы тогда стояли в коридоре нашего филологического факультета и курили. Курить в здании было запрещено, но кто же тогда обращал внимание на подобные мелочи? Тем более, курили мы, стоя возле урны. Комиссию профкома университета мы не заметили. Вернее, о том, что это комиссия, мы узнали уже после того, как они нас сфотографировали и потребовали студенческие билеты.

Мы оглядели группу, которая к нам подошла. У троих были на пиджаках комсомольские значки – верный признак их принадлежности к активу комитета ВЛКСМ университета, ведь остальные студенты в те годы значки уже не носили. Четвертый человек в группе был старше, лет тридцати с виду, и походил на аспиранта. Он-то и затребовал у нас студенческие билеты. Стало ясно, что мы влипли в неприятную историю. То, что нас сфотографировали курящими в здании, наверняка означало, что через пару дней нашу фотографию поместят на какой-нибудь доске позора. Неприятно, хотя пережить можно...

Но если бы мы знали, чем это грозит... Володя ни с того, ни с чего взбеленился:

– Ты кто такой? – нагло спросил он старшего в группе, хотя тот и не походил на студента.

– Не тыкайте мне, – возмутился мужчина в отличном пошитом костюме. – Я профессор геометрии механико-математического факультета.

Мы с Володей засмеялись. Действительно, это казалось очень смешным. Во-первых, у нас на филологическом факультете все профессора были не моложе пятидесяти лет, а этот выглядел аспирантом. Во-вторых, «профессор геометрии». Но разве есть в наш век профессора геометрии? Геометрия – это что-то очень простое, школьное. Что можно придумать в геометрии после Эвклида и Лобачевского? Так нам казалось...

И тут Володя сказал хамскую фразу, которая его окончательно сгубила:

– Какой ты профессор? Ты – водовоз.

Причем здесь «водовоз»? Но заткнуть рот Володьке я не успел. Последствия для него оказались самыми трагическими. Увы, этот молодой человек действительно был профессором и мало того – редкостной скотиной по жизни. Через неделю он добился, чтобы Володю исключили из университета. За оскорбление преподавательского состава. А для меня тогда все обошлось выговором за курение в неподобающем месте. Даже не повесили фотографию на доску позора. Я ведь не сравнивал профессора с водовозом.

Володя же мгновенно сломался после исключения из вуза. К тому времени, когда я сам этот вуз окончил, он уже полностью деградировал как личность. Не знаю почему, но он не

делал попыток в нем восстановиться – работал грузчиком, сторожем все остальную жизнь. Или вообще не работал. Но когда я изредка встречал его в городе, то всегда чувствовал неловкость. Ведь мы в тот роковой день были вместе...

...В забегаловке я взял нам по стакану водки и бутерброды. Володя залпом выпил весь стакан, а я, сославшись на инфаркт, храбро отхлебнул лишь половину.

Нужно было продолжать. По всему выходило, что теперь я обязан сподать своего старинного приятеля-бомжа, что говорится, до синих соплей.

– Еще? – спросил я Володю.

Он пожал плечами. Я пошел к стойке бара за вторым стаканом для него и новыми бутербродами. Ведь Володя явно ничего не ел с утра. Но по дороге у меня вдруг закружилась голова, и я ...упал на грязный пол забегаловки, с ужасом понимая, что водка в этом заведении оказалась паленая. Больше я уже ничего не помнил...

...Мне показалось, что я пролетел в какой-то непроглядно черной пустоте целую вечность, прежде чем мрак вокруг меня стал рассеиваться. Но сразу определить, куда я попал, не удалось. Мутная пелена застилала глаза. Потребовалось большое усилие, чтобы сфокусировать взгляд. Пустота вокруг меня стала приобретать приятный голубовато-зеленый оттенок, но по-прежнему не на чем было остановить взгляд. Просто пустота. Было странное ощущение, что я лежу под открытым небом, хотя эта пустота надо мной ничуть не походила на привычную тусклую серость отравленного бензином городского неба.

Где я и что со мной произошло? Надо полагать, у меня случился второй инфаркт, на этот раз обширный, приведший к мгновенной потере сознания. И *это* вокруг меня – не что иное, как помещение какой-то сверхдорогой частной лечебницы, рядом с которой я по случайности оказался во время инфаркта. Забавно: на какой день они меня вежливо попросят отсюда и переведут в обычную неотложку? А ведь надо же – как великолепно выглядит потолок в этой больнице! Полная иллюзия бесконечности пространства. И воздух-то какой здесь приятный!

Мне стало стыдно. Ведь от меня, наверное, разит спиртным. Надо же угораздило – второй инфаркт случился в дешевой забегаловке. Что обо мне подумают врачи? И каково будет жене объяснять им, что муж уже практически не пьет после первого инфаркта?

Я глубоко вздохнул и – о, ужас! – понял, что не слышу собственного дыхания. Боже мой, неужели всё так трагично?! Выходит, что я подключен к аппарату искусственной вентиляции легких и уже так основательно напичкан обезболивающими средствами, что совершенно не чувствую себя. Сделав еще усилие, я ощупал себя. Удивительно, но никакие шланги на мне не были закреплены.

– С прибытием! – сказал скрипучий голос слева.

Повернув голову влево, я увидел возле себя мужчину неопределенного возраста с высоким лбом, запавшими глазами и окладистой бородой. На голове у него был какой-то неширокий светящийся обруч и, когда он наклонился ко мне, мое лицо залил яркий свет.

Хмыкнув на всякий случай, я недовольно сказал:

– Ну, знаете ли, это издевательство – поздравлять человека с тем, что он перенес инфаркт и попал в больницу.

– Инфаркт? Больница? Милейший, вы ничего не поняли. Только не волнуйтесь. ВЫ ... УМЕРЛИ. В земном, конечно, смысле.

Глава вторая. Небеса

Я рассмеялся:

– А вы, значит, святой Петр? И где же ваши ключи от рая? Или туда меня не пустят?

Мужчина, который вовсе не выглядел глубоким стариком, прищурившись, посмотрел на меня:

– Судя по всему, вы интеллигентный человек. Сразу определили, что я похож на святого Петра. То есть, на известный рубенсовский портрет этого святого. Вообще-то, наши розыски *здесь* этого Петра не дали никаких результатов. Да и Нерон отрицает, что такой человек жил в Риме.

Теперь я уже расхохотался:

– Нерон? Ну да, конечно. Я же в царстве мертвых. Слушайте, перестаньте меня разыгрывать. Где я нахожусь? Близкие, наверное, уже волнуются.

Мужчина словно не слышал меня. Посмотрев вверх, он тоскливо сказал:

– Нужно мне, наверное, лишится бороды. Я, конечно, не против того, чтобы меня каждую неделю ставили на дежурство – встречать вновь прибывшие субстанции. Всё-таки я – психолог, и попадаются очень интересные экземпляры, но с каждым приходится говорить о святом Петре. Это не продуктивно.

– А что это за глупый нимб у вас над головой? Прикол такой, что ли?

– Нимб? – искренне удивился человек. – Ах, да, забыл, извините. Это просто подсветка для чтения. Разве на земле вы не встречали такие? Я читал до вашего прибытия книгу.

Он провел рукой по голове и нимб исчез. Не снялся с головы и не упал на землю, а просто исчез.

Теперь уже я разозлился и стал орать, по-прежнему не чувствуя боли в груди:

– Эй, вы, как вас на самом деле звать, «святой Петр», перестаньте нести бред! Это что же – психотерапия, по-вашему? Где я и что со мной? Какая-то психлечебница? Но я совершенно нормальный человек и не верю в религиозные бредни про загробный мир. Вы бы трезво подумали: на Земле со времен неандертальцев жило много миллиардов людей. Может быть, сто-двести миллиардов. Если бы все они перенеслись на небеса, здесь бы была давка, как в московском метро в час пик.

Человек серьезно посмотрел на меня:

– Меня зовут Петр Иванович. Как видите, я тоже Петр, хоть и не святой. Здесь, «наверху», как у нас принято говорить, находится порядка 50 миллионов человек, вернее, информационно-энергетических субстанций бывших людей. Цифра неточная, потому что перепись проводилась уже десяток лет назад. И многие сомневаются, нужно ли её вообще проводить. Это довольно сложно в наших условиях.

– Пятьдесят миллионов избранных праведников? – хрипло рассмеялся я.

– Вы же вроде не религиозны? Какие праведники? Только личности. Сами подумайте: какой резон сохранять информационно-энергетическую субстанцию, ну, допустим, неграмотного рыбака с Мадагаскара, который ничего не видел в своей жизни, кроме своей крохотной деревушки, тропического леса и своей лодки, на которой он и утонул в Индийском океане? Хотя, конечно, и среди рыбаков встречаются личности. – Он хмыкнул. – Кстати, мой знаменитый тезка, апостол Петр, тоже был простым рыбаком. Но факт есть факт: здесь в раю лишь около 50 миллионов бывших людей. По нашим подсчетам, сюда попадает примерно один человек из тысячи, может даже один из полутора тысяч. В последнее столетие значительно чаще, чем было раньше. Здесь элита человечества.

– Выходит, и я попал в элиту? Вот уж никогда не помышлял о подобном! Элита – это те, кто умеет приспособливаться к интересам толпы, чтобы её оседлать. А я – нонконформист, и всегда стремился жить на особицу. Мизантроп, в сущности.

– Видимо, существуют и другие критерии отбора. Более важные, чем конформизм, – не согласился мой собеседник.

– И кто же осуществляет отбор? – хмыкнул я.

Петр Иванович развел руками:

– Это никому не известно. Может быть, существо, которое принято именовать Богом, может быть, какая-то Сверхцивилизация. Такая же неопределенность, как и на Земле. Поскольку вы не религиозны, вам проще поверить во второе. Здесь, «наверху» что-то вроде «Матрицы». Смотрели фильм?

– Смотрел. Только как вы докажете, что вы сейчас меня не мистифицируете?

– Очень просто. Дайте свою руку.

Я протянул ему руку. Он пожал её.

– Что-нибудь чувствуете? Тепло моей руки?

– Нет. Но что с того, если не чувствую? Просто вы и ваша банда накололи меня лекарствами. Анестезия. Блокада.

– А вот это как вы объясните? Только не бойтесь, это без последствий.

Он уткнул свой указательный палец в мою ладонь и вдруг ... проткнул её насквозь. Пошевелил фалангой, вылезшей с тыльной стороны ладони, как в фильме ужасов, потом резко выдернул палец. Я удивленно смотрел, как круглая дыра в моей ладони медленно зарастает, пока совсем не исчезла. Боли не было.

– Теперь верите, что вы – просто субстанция?

Очнувшись от потрясения, я сказал:

– Чепуха. Гипноз. Вы меня загипнотизировали.

– Я мог бы посоветовать вам повторить опыт, и самому проткнуть мою ладонь, но вряд ли у вас это сегодня получится. Для этого нужно научиться концентрировать свое воображение и волю, а это обычно удается лишь через месяц-другой пребывания здесь.

Тут я рассмеялся:

– У меня-то получится. Я – писатель и на отсутствие воображения не жалуюсь.

– Пробуйте, – смеясь, сказал Петр Иванович. – Но предупреждаю...

И я ... проткнул его ладонь. С некоторым усилием, но проткнул.

В этот момент мне стало невообразимо страшно. Похоже, это не сон и не гипноз. Он не врет. Я действительно *на том свете*.

Еще больше, чем его пугающий опыт, меня убедила метаморфоза, случившаяся с моим зрением. Внезапно я понял, что вижу теперь значительно лучше, чем несколько часов назад. На рыжей бороде Петра Ивановича я мог без очков разглядеть каждый волосок по отдельности, и точно также четко видел разноцветье радужной оболочки его глаз. Мир как бы посвежел, наполнился красками, словно я снова вернулся в молодость.

Машинально я провел себя по лбу – так обычно поступает человек, чтобы убрать холодную испарину, когда переживает что-то ужасное. И тут же вспомнил, что с осознанием у меня проблемы. Но рука должна была скользить по влажному лбу. А она не скользила, из чего я сделал вывод, что лоб сухой. Черт побери, да какой же пот может быть у «информационно-энергетической субстанции»?!

Мужчина перехватил мой жест и ухмыльнулся.

Я торопливо сказал:

– Уже понял. У вас ведь *тут* наверняка нет нужды в приеме пищи и отправлении естественных надобностей? Поэтому нет и пота.

– Вы ловите всё на лету, – похвалил меня Петр Иванович. – Знаете, у меня есть к вам несколько странное предложение. Вы мне чем-то импонируете, господин-товарищ «мизантроп». Сейчас четырнадцать минут третьего по полудню местного времени. (Петр Иванович, говоря это, не посмотрел на часы. Их у него и не было. Видимо, время суток здесь узнают каким-то иным способом). Моя смена по приему новеньких закончилась. И вот что – давайте побездельничаем сегодня вместе. Вы расскажите мне про последние земные новости, а я вас ознакомлю с принципами жизни на небесах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.